

Н.Н. Серегин¹✉, С.С. Матренин², Н.Ф. Степанова³

¹Алтайский государственный университет

Барнаул, Россия

²Барнаульский юридический институт МВД РФ

Барнаул, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Раннесредневековое детское захоронение с наборным поясом из некрополя Горный-10 (Северный Алтай)

Статья посвящена введению в научный оборот и интерпретации материалов раскопок могилы 22 некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском р-не Алтайского края, исследовался в 2000–2003 гг. и в настоящее время может рассматриваться как базовый комплекс для изучения различных аспектов истории населения юга Западной Сибири в начале раннего Средневековья, в т.ч. особенностей их обрядовой практики. Публикуемый объект представляет собой детское захоронение с сопроводительным инвентарем, включавшим довольно оригинальный наборный пояс и отдельные элементы костюма. Полученные результаты анализа изделий дают основания для определения времени сооружения мог. 22 в рамках второй половины VI – первой половины VII в. н.э. Наиболее показательным является бронзовый поясной наконечник с литым выпуклым корпусом ложечковидной формы и шпеньками для крепления к кожаной основе. Судя по зафиксированному расположению в могиле, данный предмет крепился к подвесному ремешку с правой стороны. Принимая во внимание серию датированных аналогий, а также особенности распространения подобных предметов, поясной наконечник может рассматриваться как довольно надежный хронологический индикатор комплексов эпохи Первого Тюркского каганата. Это заключение подтверждают полученные результаты радиоуглеродного датирования мог. 22. Представлен ряд наблюдений, связанных с социальной интерпретацией рассматриваемого погребального объекта. Установлена значимость наборного пояса, который может рассматриваться в качестве индикатора относительно высокого «предписанного» статуса ребенка, похороненного в мог. 22, как представителя определенной социальной группы населения, оставившего некрополь Горный-10.

Ключевые слова: лесостепной Алтай, раннее Средневековье, детское погребение, наборный пояс, хронология, социальная интерпретация.

N.N. Seregin¹✉, S.S. Matrenin², N.F. Stepanova³

¹Altai State University

Barnaul, Russia

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Barnaul, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Early Medieval Child Burial with a Composite Belt from the Gorny-10 Necropolis (Northern Altai)

This article presents the evidence from the excavation of grave 22 at the Gorny-10 necropolis. This site, located in Krasnogorsk District of the Altai Krai, was investigated in 2000–2003 and can now be considered a basic complex for studying various aspects of the history of the population living in the Southwestern Siberia in the Initial Middle Ages, including specific features of their ritual practices. The published object is a child burial with the accompanying inventory which included a distinctive composite belt and some elements of the outfit. The analysis of the artifacts provided grounds for dating the construction of grave 22 to the second half of the 6th–first half of the 7th centuries AD. The most significant find was bronze belt tip with cast convex body of spoon-like shape

and studs for attaching to the leather base. Taking into account a number of the dated parallels and specific aspects of distribution of such objects, this find can be considered a relatively reliable chronological indicator of complexes belonging to the time of the First Turkic Khaganate. This conclusion is supported by radiocarbon dating of grave 22. Some observations on social interpretation of this burial object are presented. The composite belt is an important indicator of a relatively high “ascribed” status of the child buried in grave 22 as a representative of a specific social group of the population which left the Gorny-10 necropolis.

Keywords: forest-steppe Altai, Early Middle Ages, child burial, composite belt, chronology, social interpretation.

Введение

Погребальный обряд традиционно рассматривается как консервативный элемент культуры, изучение которого имеет большое значение для реконструкции различных сторон развития древних и средневековых обществ. В сложившейся практике исследований данное положение зачастую дополняется заключением о том, что фиксируемые в результате раскопок элементы похоронной практики обнаруживают допустимую вариативность, связанную с половозрастными и социальными различиями покойных, а также обусловленную определенными религиозно-мировоззренческими представлениями, отражающими порой трудно объяснимые аспекты функционирования конкретных социумов.

У населения Северной Азии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья отклонения от «стандартных» норм реализации обряда захоронения во многих случаях фиксируются у детей и нередко выражаются в присутствии весьма редких, в т.ч. престижных категорий сопроводительного инвентаря, представленных предметами вооружения, снаряжения, украшениями и другими изделиями [Нестеров, 1999, с. 97; Соенов, Константинов, Трифанова, 2015, с. 22; Бородовский, 2018, с. 230–243; и др.]. Несколько характерных примеров, подтверждающих обозначенные наблюдения, демонстрируют материалы раскопок объектов некрополя Горный-10.

Характеристика источников

Обозначенный погребальный памятник расположен в Красногорском р-не Алтайского края, на мысу правого берега р. Иша. В 2000–2002-х гг. 75 захоронений данного некрополя исследованы экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой. Раскопанные могилы содержали преимущественно неподревоженные захоронения по обряду одиночной ингумации с многочисленным сопроводительным инвентарем, свидетельствующим о времени функционирования памятника в широких хронологических рамках второй половины VI – VII в. н.э. [Серегин, Степанова, 2021; Серегин, Матренин, Степанова, 2025; и др.]. Полученные материалы отражают существование коллектива с выраженной социально-имущественной дифференциацией и возможной профессиональной специализацией его от-

дельных представителей. В составе некрополя Горный-10 обнаружены несколько детских погребений, содержащих незаурядный набор предметов [Серегин, Степанова, 2021, с. 335–344]. Одним из них является исследованная в 2001 г. мог. 22, публикации и анализу которой посвящена настоящая статья.

Могила 22 выявлена в центральной части раскопа, заложенного в сильно разрушенной части террасы рядом с силосной ямой. Установлено, что могила имела подпрямоугольную со скругленными углами форму, размеры 0,6 × 0,9 м, ориентировку длинной осью по линии СЗ–ЮВ, отвесные стенки, глубину от современного горизонта 0,4 м. На дне ямы сохранились отдельные кости ребенка трех лет (определения канд. ист. наук С.С. Тур): в центре – бедренные, у северо-западной стенки – череп, между ними – нижняя челюсть и отдельные позвонки (рис. 1, А). Судя по зафиксированным частям скелета, ребенок был уложен на спине, в вытянутом положении, головой обращен на северо-запад. Между нижней челюстью и костями ног расчищены металлические детали оригинального наборного пояса, состоявшего из железной пряжки с подвижным язычком (рис. 1, Б, 1; 2, 1), шести бронзовых накладных блях округлой формы со шпеньками (см. рис. 1, Б, 2–6, 8; 2, 2–6) и бронзового наконечника ремня (см. рис. 1, Б, 9; 2, 7). Рядом с данным скоплением вещей лежала бронзовая пронизь (см. рис. 1, Б, 10). Возле нижней челюсти найдена стеклянная бусина (см. рис. 1, Б, 11), а у южной стенки могилы – бронзовая бляха-нашивка (см. рис. 1, Б, 7).

Анализ и интерпретация материалов

Несмотря на относительную немногочисленность, зафиксированные в мог. 22 некрополя Горный-10 элементы сопроводительного инвентаря, прежде всего элементы пояса, предоставляют определенные возможности для установления датировки данного комплекса с привлечением актуальных для сравнения вещественных материалов из археологических памятников Алтая и других регионов Азии эпохи Средневековья.

В хронологическом контексте показательным является бронзовый наконечник со следами позолоты, имеющий литой выпуклый корпус ложечковидной формы (размеры 2,8 × 1,0–1,3 см) и «внутренние» (цельные) шпеньки для крепления к кожаной основе, декорированный поперечным валиком (нервюкой) (см. рис. 1, Б, 9; 2, 7). Принимая во внимание раз-

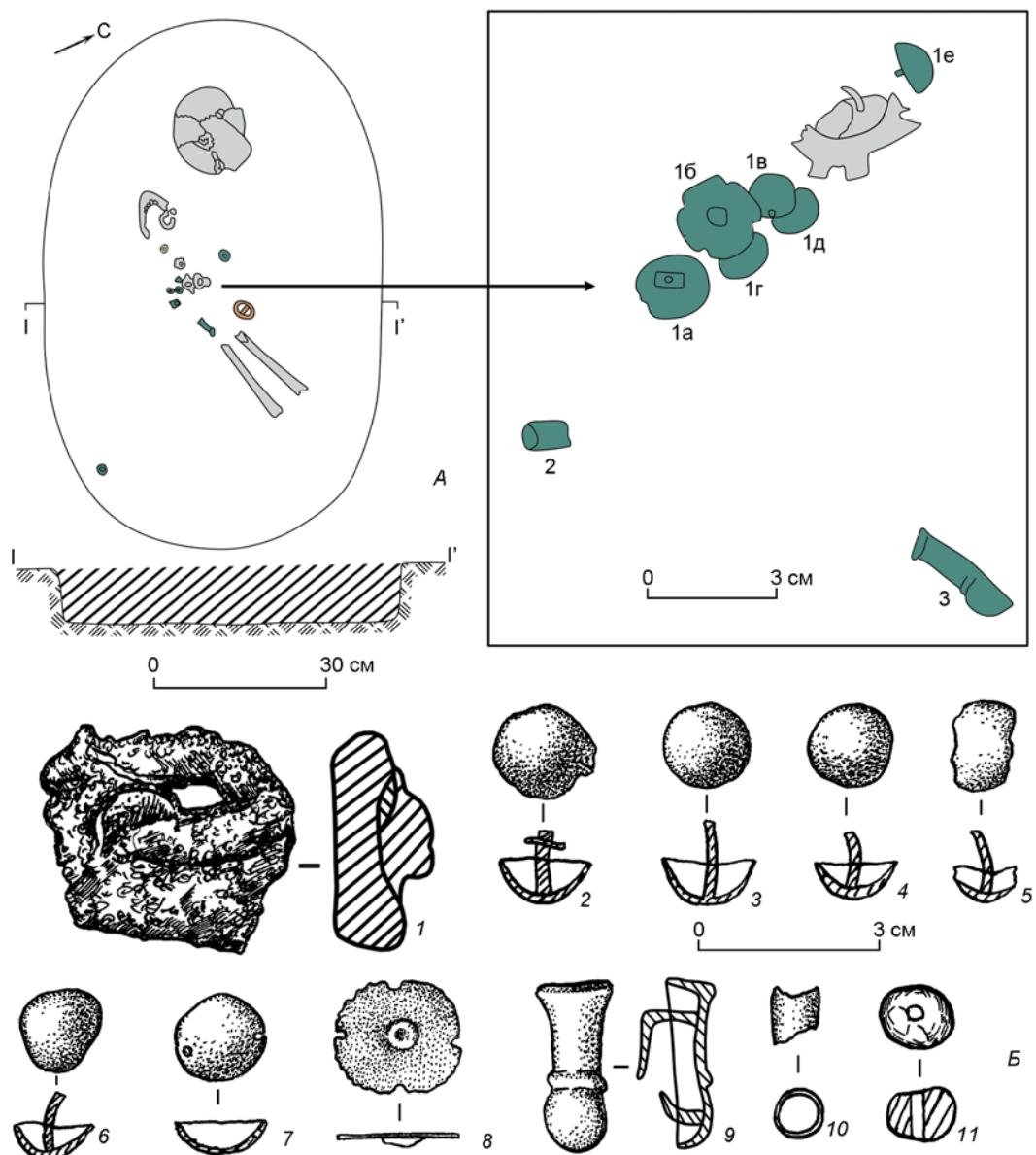

Рис. 1. Могила 22 некрополя Горный-10.

А – план погребения с детализацией расположения деталей наборного пояса; Б – предметный комплекс: 1 – пряжка, 2–8 – бляхи, 9 – наконечник ремня, 10 – пронизь, 11 – бусина. 1 – железо; 2–10 – цветной металл; 11 – стекло.

мещение наконечника в захоронении на расстоянии 7–8 см от блях, ниже «линии» пояса, можно предположить, что он крепился к подвесному ремешку с правой стороны. Данное изделие имеет ранние датированные аналогии на Алтае в предметном комплексе из некрополя Кудыргэ, в составе украшений узды второй половины VI – первой половины VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, табл. XIV, 8; Горбунова, 2010, рис. 31, 4]. Несколько схожих образцов обнаружены в ходе исследований датирующегося этим же периодом кургана 9 некрополя Шибе II в Центральном Алтае (неопубликованные материалы раскопок Ю.Т. Мамадакова). Похожий наконечник зафиксирован в Туве среди декоративных элементов конского снаряжения из захоронения начала Средневековья

на памятнике Озен-Ала-Белиг [Вайнштейн, 1966, табл. IX, 2]. В целом эти предметы следует интерпретировать как самобытные образцы центральноазиатской геральдики. Имеющаяся серия вещественных находок дает основание обоснованно считать такие ременные наконечники хронологическим маркером комплексов второй половины VI – первой половины VII в. н.э. Данное заключение подтверждает обнаружение их на некрополе Горный-10 помимо мог. 22 также в других объектах (мог. 60, 63), по результатам радиоуглеродного датирования отнесенных ко времени не позже середины VII в. н.э.

В связи с ограниченным объемом аналогичных материалов достаточно сложным представляется вопрос о происхождении ложечковидных наконеч-

ников с выпуклым корпусом. В качестве одного из возможных вариантов генезиса таких гарнитур можно допустить их разработку на основе совмещения блях-накладок с округлым и четырехугольным абрисом. В этом контексте обратим внимание на встречающиеся на Алтае в жужанское время (вторая половина IV – V в. н.э.) случаи совмещения ременных украшений разных форм у населения булан-кобинской культуры [Матренин, Тишкин, 2016, с. 224–226; рис. 1В, 2; 3Ж, 3], а также известную во второй половине VI – первой половине VII в. н.э. у тюрок практику комбинирования в одно изделие нескольких типов геральдических блях-накладок [Гаврилова, 1965, табл. X, 17; XVIII, 14, 18; Горбунова, 2010, рис. 34, 4].

В эволюционном отношении ложечковидные наконечники с выпуклым корпусом, по-видимому, были прототипом для формирования аналогичных по форме плоских изделий, ранние образцы которых обнаружены в памятниках лесостепного Алтая (вторая половина VI – первая половина VII в. н.э.), Новосибирского (VII – начало VIII в. н.э.) и Томского (конец VI – VII в. н.э.) Приобья, а более поздние – в Юго-Восточном Алтае (VIII в. н.э.), в Омском Прииртышье (вторая половина VIII – первая половина IX в. н.э.), в Ишимо-Иртышском междуречье и в Южном Приуралье (вторая половина VII – начало VIII в. н.э.) [Чиндина, 1977, рис. 6, 23; 33, 1; Троицкая, Новиков, 1998, с. 56; рис. 26, 32; Горбунов, Рудометов, 2003, рис. 1, 21–23; Матвеева, 2016, с. 190–191; рис. 69, 17; Кассал, Конников, 2018, с. 69–70; рис. 1, 3; Константинов, Серегин, 2021, с. 235; рис. 4, 1; Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2021, с. 97; рис. 1, 22–26; и др.].

Достаточно информативными являются бронзовые полусферические бляхи-накладки округлой формы (диаметр 1,0–1,6 см) с цельными шпеньками (см. рис. 1, Б, 2–6; 2, 3–6). Данные изделия имеют ограниченный круг актуальных ранних аналогий в комплексах Алтас-Саянского региона второй половины VI – первой половины VII в. н.э. (Кудыргэ, Озен-Ала-Белиг, Шибе), сочетаясь к тому же с рассмотренными выше выпуклыми ложечковидными наконечниками [Гаврилова, 1965, с. 23; Вайнштейн, 1966, табл. IX, 2; Горбунова, 2010, с. 64–65; рис. 31]. Такие украшения могли быть сформированы на основе похожих блях с полусферическим корпусом и вставным штифтом, использовавшихся во второй половине IV – V в. н.э. кочевниками Северного Китая, населением булан-

Рис. 2. Детали наборного пояса из могилы 22 некрополя Горный-10.

1 – железо; 2–7 – цветной металл.

кобинской культуры Алтая и племенами Верхнего Приобья в качестве декоративного элемента конского снаряжения [Грязнов, 1956, табл. XXXII, 20; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 13, 61–70; Матренин, Тишкин, 2016, с. 221, 224; и др.]. Бляхи, аналогичные найденным в некрополе Горный-10, зафиксированы в Алтайской лесостепи, Кузнецкой котловине, Томском Приобье и Прибайкалье в памятниках, датирующихся второй половиной VI – VII в. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 73, 7; Ковалевская, 1990, рис. 3, 12; Илюшин, 1999, рис. 27, 8, 12, 16, 17, 19; 42, 13–15; 36, 15–17; 50, 12–15; Горбунов, Рудометов, 2003, с. 54; рис. 1, 28; Савинов, Новиков, Родионов, 2008, рис. 13, 5; Дашибалов, 2011, рис. 95, 17]. Поздние их образцы известны у населения Минусинской котловины в последние столетия I тыс. н.э. [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 100–102; рис. 8, 1]. Следует отметить, что в сформированной серии гарнитур из объектов некрополя Горный-10 бронзовые полусферические бляхи-накладки рассматриваемого облика могли входить в состав поясов и уздечных наборов, тогда как у раннесредневековых тюрок Алтая такие предметы являлись исключительно декоративным элементом конской амуниции.

Бронзовая круглая бляха-накладка с плоским корпусом (размеры 1,9 × 2,0 см), выступом-умбоном в центре и резным контуром (см. рис. 1, Б, 8; 2, 2) не имеет точных аналогий в датированных вещественных материалах раннего Средневековья. При этом в типологическом отношении данное изделие, по-видимому, отражает развитие блях, подобных тем, что найдены на Алтае в оградке второй половины V – первой половины VI в. н.э. на памятнике Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II, 4]. Поясная пряжка из железа с подвижным язычком, закрепленным на вставной

вертлюге в основании рамки арочной формы без щитка (см. рис. 1, *B*, 1; 2, 1), близка изделиям, использовавшимся тюрками Алтая и Монголии с середины VII в. н.э. [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 2, 5; Кубарев, 2016, с. 128; рис. 6, 32; и др.], а возможно, и с более раннего времени. Остальные категории сопроводительного инвентаря (бронзовая обойма, бронзовая бляха-нашивка, стеклянная бусина; см. рис. 1, *B*, 7, 10, 11) имели продолжительный период бытования в рамках раннего Средневековья.

Важно подчеркнуть, что обнаруженный в мог. 22 некрополя Горный-10 комплекс ременных гарнитур демонстрирует достаточно редкую практику использования круглых полусферических блях-накладок для декорирования поясов, не известную у населения Алтая и Западной Сибири в эпоху Великого переселения народов. В опубликованных археологических материалах раннего Средневековья зафиксированы два наборных пояса с бляхами рассматриваемого облика в релкинской культуре Томского Приобья и у населения Минусинской котловины [Беликова, Плетнева, 1983, с. 39, 92; рис. 73, 7; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 8, 1]. Полученные результаты типологического анализа изделий дают основания для определения времени сооружения мог. 22 в рамках второй половины VI – первой половины VII в. н.э. Данное заключение подтверждают результаты радиоуглеродного датирования данного объекта, которые планируется рассмотреть отдельно.

Материалы раскопок мог. 22 комплекса Горный-10 предоставляют возможность для ряда заключений, связанных с социальной интерпретацией рассматриваемого погребального объекта. Прежде всего, следует подчеркнуть, что в исследованных на памятнике двадцати детских захоронениях наборные пояса присутствовали в сопроводительном инвентаре только пяти индивидов, среди которых двое имели возраст до трех лет, один – 6–7 лет, а остальные два принадлежали к старшей возрастной группе (10–12 лет). Сделанное наблюдение, а также имеющийся опыт изучения структуры обществ Алтая поздней древности и Средневековья [Серегин, Матренин, 2020, с. 44, 165, 172] свидетельствуют о значимости этого элемента костюма в качестве индикатора относительно высокого «предписанного» статуса ребенка, похороненного в мог. 22, как представителя определенной социальной группы населения, оставившего данный некрополь. С другой стороны, судя по этнографическим материалам, наличие в рассматриваемом погребении наборного пояса могло быть также обусловлено причинами, отражающими реализацию религиозно-мировоззренческих представлений и ритуалов обозначенного локального коллектива [Серегин, Степанова, 2021, с. 342]. В данном контексте следует, например, учитывать такие версии интерпретации присутствия в детских могилах «взрослых», в т.ч. социально престижных предметов, как оберег против злых сил

[Соенов, Константинов, Трифанова, 2015, с. 22], подношение с целью предотвращения детской смертности [Троицкая, 1989, с. 67], передача вещи взрослому человеку в загробном мире [Нестеров, 1999, с. 97] и др.

Примечательно, что три из пяти наборных поясов, найденных в детских захоронениях некрополя Горный-10, имели в своем составе круглые бляхи разного облика. Объяснить выявленную особенность причинами возрастного или гендерного характера пока сложно в связи с ограниченностью имеющихся данных.

В заключение подчеркнем, что полученные в результате раскопок мог. 22 некрополя Горный-10 материалы отражают начальный этап использования на Алтае круглых блях-наладок в конструкции наборных поясов в эпоху Первого Тюркского каганата. Введенные в научный оборот вещественные находки расширяют сложившиеся представления о развитии снаряжения народов юга Западной Сибири в начале раннего Средневековья в контексте межкультурного взаимодействия сnomадами центральноазиатского региона.

Благодарности

Культурно-хронологическая интерпретация публикуемого комплекса осуществлена в рамках реализации проекта РНФ № 25-18-00775 «Комплексная хронология археологических памятников Алтая (каменный век – Средневековье)», <https://rscf.ru/project/25-18-00775/>. Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZMW-2023-0009 «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая».

Список литературы

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1983. – 245 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.

Бородовский А.П. Элитарные детские погребения эпохи раннего Средневековья на Верхней Оби и транскультурный предметный комплекс // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 230–243.

Вайнштейн С.И. Памятники 2-й половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II. – С. 292–334.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение

культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Вып. XIII. – С. 52–57.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. – Барнаул: Азбука, 2010. – 136 с.

Гризнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 162 с. – (МИА, № 48).

Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 174 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этно-археологического исследования. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. технич. ун-та, 1999. – 160 с.

Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. – С. 157–169.

Кассал Б.Ю., Конников Б.А. Конская узда из Ирчи. Омская область. Эпоха раннего средневековья // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2018. – № 3. – С. 64–73.

Ковалевская В.Б. Традиции поясных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА. – 1990. – Вып. 199. – С. 37–46.

Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрок в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 4. – С. 229–248.

Кубарев Г.В. Погребальные памятники древних тюрок долины р. Хар-Ямаатын-гол (Северо-Западная Монголия) // Археологические вести. – 2016. – Вып. 22. – С. 115–129.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайск. гос. ун-та, 1997. – № 2. – С. 115–129.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. – 264 с.

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 4. – С. 91–99.

Матренин С.С., Тишкун А.А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2016. – № 2 (90). – С. 220–228.

Нестеров С.П. Древнетюркские погребения у села Батени // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – С. 91–102.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). – Л.: Наука, 1988. – С. 83–103.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. – 268 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Комплекс вооружения населения северных предгорий Алтая в эпоху Тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // РА. – 2025. – № 2. – С. 82–96.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. «Элитное» детское погребение эпохи тюркских каганатов из Северного Алтая // Stratum Plus. – 2021. – № 5. – С. 335–344.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Детские погребения могильника Степушка-2 // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2015. – Вып. 3. – С. 9–27.

Троицкая Т.Н. Детские погребения VI–V вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 1989. – С. 59–68.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 192 с.

References

Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1983. 244 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Vostochnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII vv.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 224 p. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Elitarnye detskie pogrebeniya epokhi rannego srednevekov'ya na Verkhnei Obi i transkul'turnyyi predmetnyi kompleks. In *Mul'tidisciplinarnye aspekty izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. P. 230–243. (In Russ.).

Chindina L.A. Mogil'nik Relka na Srednei Obi. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1977. 192 p. (In Russ.).

Dashibalov B.B. Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biiskoe nasledie Baikal'skoi Sibiri. Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 2011. 174 p. (In Russ.).

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 146 p. (In Russ.).

Gorbunov V.V., Rudometov P.L. Srednevekovye pamyatniki v okrestnostyakh s. Kiprino. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. P. 52–57. (In Russ.).

- Gorbunova T.G.** Rekonstruktsiya konskogo snaryazheniya srednevekovykh kochevnikov Altaya: metodika i nekotorye rezul'taty. Barnaul: Azbuka, 2010. 136 p. (In Russ.).
- Gryaznov M.P.** Istorya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1956. 162 p. (In Russ.).
- Ilyushin A.M.** Mogil'nik Kudyrge i voprosy drevnetyurkskoi istorii Sayano-Altaya. In *Pamyatniki drevnetyurkskoi kul'tury v Sayano-Altae i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2000. P. 157–169. (In Russ.).
- Ilyushin A.M.** Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opty etnoarkheologicheskogo issledovaniya. Kemerovo: Kuzbass State Univ. Press, 1999. 160 p. (In Russ.).
- Kassal B.Y., Konikov B.A.** Horse bridle from Ircha. Omsk region. The early Middle ages. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 2018, No. 3. P. 64–73. (In Russ.).
- Konstantinov N.A., Seregin N.N.** Pogrebal'no-pominal'nyi kompleks Kuraika-2 (Yugo-Vostochnyi Altai): novye materialy k istorii tyurok v epokhu Uigurskogo kaganata. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2021. No. 4. P. 229–248. (In Russ.).
- Kovalevskaya V.B.** Traditsii poyasnykh poyasov v pamyatnikakh kudyrjinskogo tipa. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1990. No. 199. P. 37–46. (In Russ.).
- Kubarev G.V.** Pogrebal'nye pamyatniki drevnikh tyurok doliny r. Khar-Yamaatyn-gol (Severo-Zapadnaya Monogoliya). In *Arkheologicheskie vesti*, 2016. No. 22. P. 115–129. (In Russ.).
- Mamadakov Y.T., Gorbunov V.V.** Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda-3. In *Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1997. P. 115–129. (In Russ.).
- Matrenin S.S., Tishkin A.A.** Uzdechnye blyakhi iz pamyatnikov Altaya khunnusko-syan'biisko-zhuzhanskogo vremeni: opty klassifikatsii i tipologii. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016. No. 2. P. 220–228. (In Russ.).
- Matveeva N.P.** Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov). Tyumen: Tyumen State Univ. Press, 2016. 264 p. (In Russ.).
- Matveeva N.P., Tretyakov E.A., Zelenkov A.S.** Archaeological Evidence of Migration from the Southern Taiga of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages: The Vodennikovo-1 Cemetery. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. No. 4. P. 91–99. (In Russ.).
- Nesterov S.P.** Drevnetyurkskie pogrebeniya u sela Bateni. In *Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1999. P. 91–102. (In Russ.).
- Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G.** Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. 424 p. (In Russ.).
- Savinov D.G., Pavlov P.G., Pauls E.D.** Rannesrednevekovye vpusknye pogrebeniya na yuge Khakasii. In *Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoi Sibiri (po materialam raskopok 1980–1984 gg.)*. Leningrad: Nauka, 1988. P. 83–103. (In Russ.).
- Seregin N.N., Matrenin S.S.** Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperii (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2020. 268 p. (In Russ.).
- Seregin N.N., Matrenin S.S., Stepanova N.F.** Weaponry complex of the population of the Altai northern foothills during the period of the Turkic khaganates (based on the materials from the Gorny 10 burial ground). In *Rossiiskaya arkheologiya*, 2025. No. 2. P. 82–96. (In Russ.).
- Seregin N.N., Stepanova N.F.** «Elite» Children's Burial of Turkic Khaganates Period from the Northern Altai. In *Stratum Plus*, 2021. No. 5. P. 335–344. (In Russ.).
- Soenov V.I., Konstantinov N.A., Trifanova S.V.** Detskie pogrebeniya mogil'nika Stepushka-2. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. Irkutsk: Irkutsk State Technical Univ. Press, 2015. P. 9–27. (In Russ.).
- Troitskaya T.N.** Detskie pogrebeniya VI–V vv. do n.e. – VII–VIII vv. n.e. v Novosibirskom Priob'e. In *Ekonomika i obshchestvennyi stroi drevnikh i srednevekovykh plemen Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog. Univ. Press, 1989. P. 59–68. (In Russ.).
- Troitskaya T.N., Novikov A.V.** Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. 152 p. (In Russ.).
- Vainshtein S.I.** Pamyatniki 2-i poloviny I tysyacheletiya v Zapadnoi Tuve. In *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-ethnograficheskoi ekspeditsii*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. P. 292–334. (In Russ.).

Серегин Н.Н. <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>
 Матренин С.С. <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>
 Степанова Н.Ф. <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

Дата сдачи рукописи: 22.09.2025 г.